

RU

<Авторская исповедь> Н. В. Гоголя в критической рецепции первой волны русской эмиграции

Балакшина Ю. В.

Аннотация. Цель исследования - определить особенности рецепции творчества Н. В. Гоголя 1840-х гг., в первую очередь <Авторской исповеди>, религиозными философами и литературными критиками первой волны русской эмиграции. Научная новизна исследования заключается в системном анализе критических статей представителей Русского зарубежья, в которых упоминается <Авторская исповедь>, и в выявлении основных смысловых линий, по которым осуществлялась интерпретация творчества Гоголя в русской эмиграции. В статье представлены высказывания об <Авторской исповеди> Б. К. Зайцева, прот. Василия Зеньковского, прот. Георгия Флоровского, С. Л. Франка, К. В. Мочульского. В результате выявлено две линии восприятия творчества позднего Гоголя в Русском зарубежье: эстетическая, делавшая акцент на изменении качества слова писателя в сочинениях 1840-х гг., и религиозно-этическая, осмыслявшая значение для русской культуры и русской церкви религиозного обращения Гоголя как писателя. Доказано, что оценки <Авторской исповеди> находились в прямой зависимости не только от эстетических и религиозных взглядов критиков, но и от тех конкретных церковных школ и направлений, к которым они принадлежали. Если для В. В. Зеньковского Гоголь - пророк и пионер православной культуры, то Г. В. Флоровский акцентирует внимание на том, что стремление к общественному благу заслонило для писателя как художественные, так и аскетические задачи.

EN

<The Author's Confession> by N. V. Gogol in the Critical Reception of the First Wave of Russian Emigration

Balakshina J. V.

Abstract. The aim of the study is to determine the features of reception of N. V. Gogol's creative work of the 1840s, primarily <The Author's Confession>, by religious philosophers and literary critics of the first wave of Russian emigration. Scientific originality of the study lies in conducting a systematic analysis of critical articles by the representatives of the Russian émigré community in which <The Author's Confession> is mentioned and in identifying the main conceptual lines along which the interpretation of Gogol's creative work in Russian emigration was carried out. The paper presents the statements about <The Author's Confession> by B. K. Zaitsev, Archpriest Vasily Zenkovsky, Archpriest Georgy Florovsky, S. L. Frank, K. V. Mochulsky. As a result, the two lines of perception of Gogol's later works in the Russian émigré community have been identified: the aesthetic one, which emphasised the change in the quality of Gogol's 1840s writings, and the religious-ethical one, which comprehended the significance of Gogol's religious conversion as a writer for Russian culture and the Russian Church. It has been proved that the assessments of <The Author's Confession> were directly dependent not only on the aesthetic and religious views of its critics, but also on those specific church schools and movements to which they belonged. For V. B. Zenkovsky, Gogol was a prophet and a pioneer of Orthodox culture, while G. V. Florovsky focused on the fact that the striving for the public good had obscured both artistic and ascetic tasks for the writer.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающим научным интересом к творчеству позднего Гоголя, ранее значительно меньше привлекавшему внимание исследователей в силу его религиозной проблематики, а также необходимостью создания целостной картины рецепции творчества классика русской литературы на протяжении XIX и XX вв., органической частью которой стала литературная критика Русского зарубежья. Если «Выбранные места из переписки с друзьями» часто попадали в поле критической и философской

рефлексии, то <Авторская исповедь>, не опубликованная при жизни писателя, редко привлекала внимание читателей и исследователей. Между тем в этом тексте можно найти не только биографические сведения о Гоголе, но и важные текстообразующие элементы и мотивы, свидетельствующие об изменении его самосознания и поэтики. Представляется важным оценить, насколько эти изменения были выявлены русскими читателями Гоголя, не ангажированными антирелигиозными подходами, возобладавшими в Советском союзе.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, выявить авторов Русского зарубежья, оставивших развернутые высказывания об <Авторской исповеди> Н. В. Гоголя; во-вторых, охарактеризовать особенности каждого из выявленных подходов в историко-культурном контексте; в-третьих, определить основные направления интерпретации творчества позднего Гоголя, сложившиеся в критике русской эмиграции первой волны.

Для осмысления идей и художественных поисков Гоголя, воплощенных в его поздних сочинениях, а также для анализа рецепции этих идей в критике Русского зарубежья в статье применяются герменевтический метод, метод контекстуального анализа, сравнительно-исторический метод. Теоретической базой исследования, наряду с трудами представителей первой волны русской эмиграции, послужили публикации авторов, в которых рассматривается история восприятия творчества Гоголя эмигрантской критикой (Евтихиева, 1999; 2001; Воропаев, 2003; Сугай, 2006).

Практическая значимость исследования заключается в том, что выявленные в статье работы русских эмигрантов, отозвавшихся на <Авторскую исповедь> Н. В. Гоголя, могут быть использованы в педагогической деятельности при изучении творческого наследия писателя 1840-х гг., а также в процессе научного комментирования при издании его собрания сочинений.

Основная часть

Представители Русского зарубежья, или Зарубежной России, уделяли особое внимание наследию классической русской культуры, которая, наряду с Русской православной церковью и «ущелевшими за рубежом элементами старой российской государственности и общественности», стала одной из трех сил, скреплявших в единое целое разрозненные течения первой волны русской эмиграции (Черняев, 2020, с. 225).

Безусловно, на первом месте среди русских писателей для эмигрантов был А. С. Пушкин, день рождения которого отмечался как День русской культуры, однако, по наблюдению Л. А. Сугай (2006), Н. В. Гоголь также «в среде русской эмиграции 20-30-х гг... стал, скорее, консолидирующим началом», что объясняется тем, что в ситуации изгнания «противоборство мнений, размежевание сил по принадлежности к той или иной литературной или философско-эстетической школе отошли в прошлое» (с. 44). Однако на фоне относительного единства в общих оценках яснее выявляются расхождения в оттенках смысла.

Тот факт, что для философов, писателей, критиков первой русской эмиграции предметом особо пристального внимания стало творчество именно позднего Гоголя (Воропаев, 1999; Трудный путь..., 2002; Кривонос, 2009), объясним как стремлением компенсировать идеологические подходы советского литературоведения, так и желанием оправдать религиозный перелом Гоголя, сняв с писателя обвинения в творческой несостоятельности, увидеть новые пути, которые открывало «оцерковление» культуры.

Б. К. Зайцев (2000) упоминает «Авторскую исповедь» в числе других произведений позднего Гоголя в очерках «Жизнь с Гоголем» (*впервые*: Современные записки. 1935. LIX. С. 272-273); «Гоголь» (*впервые*: Русская мысль. 1952. 5 марта. № 429). Он полагает, что «Переписка с друзьями» и <Авторская исповедь> необходимы для «более полного и сложного представления о Гоголе» (с. 139), выходящего за границы искусства: «Последнее десятилетие его есть жизнь полумонашеская. Она имела громаднейшие последствия для самого Гоголя и для всей русской литературы, которую *свернули* с пушкинского пути духовные годы Гоголя» (с. 140). В <Авторской исповеди> Б. К. Зайцев видит в первую очередь ответ на провал «Переписки...» и связанного с ней жизненного дела писателя, но подчеркивает высокое достоинство, с которым Гоголь переносил выпавшие на его долю терзания: «Как необыкновенно высок тон “Авторской исповеди”!» (с. 141). Другое важное наблюдение Б. К. Зайцева связано с попыткой охарактеризовать стиль сочинений позднего Гоголя, сравнив его с яркостью и образностью начинающего писателя: «Само слово его одухотворяется. В нем нет уже ничего резкого и кричащего, бьющего в глаза краскою или рисунком гротескным. Все теперь внутренне легче, спиритуальней. Воздух этой прозы – спокойствие, музыка сдержанная и слегка приглушенная. <...> Некий ровный, серо-жемчужный налет над его страницами. А строка звучит тонкими, удивительными, гоголевскими – еще не изученными – ритмами» (с. 142).

Исследователи творчества писателей-эмигрантов отмечают, что Гоголь в трактовке Б. К. Зайцева «не производит тягостного впечатления» (Сугай, 2006, с. 46), освобождается от мистического инфернального ореола, окружавшего его в глазах критиков начала XX века: В. В. Розанова, Д. С. Мережковского, В. Я. Брюсова. Он становится частью воспоминаний о детстве, о Москве, частью мечты о возвращении (Делекторская, 2018, с. 251). В то же время важно отметить, что наблюдения Б. К. Зайцева над изменением природы слова в текстах Гоголя 1840-х гг. нашли продолжение в исследованиях современных литературоведов. Так, например, С. А. Гончаров (2008) обратил внимание на то, что в произведениях позднего Гоголя формируется особый тип текста, в основе которого заложен «принцип понимания духовного, внутреннего смысла» высказывания: «Сложная система удвоений и многоступенчатых зеркальных отражений имеет в конечном счете своим “первообразом” религиозно-мистический метатекст» (с. 667).

Прот. Василий Зеньковский (1961) в книге «Н. В. Гоголь», начатой в России и завершённой во Франции к 150-летию писателя, обращается к <Авторской исповеди> как к источнику, запечатлевшему важные изменения во внутреннем духовном пути Гоголя. Религиозный философ отдаёт себе отчет в том, что <Авторская исповедь> зафиксировала «позднее самовосприятие Гоголя», однако считает, что оно «отчасти отвечает фактам» (с. 134). Он обращает внимание на фразу: «Я не могу сказать утвердительно, точно ли поприще писателя есть мое поприще», – и полагает, что она является свидетельством перестройки внутренних ценностей, в результате которой «“человек” в Гоголе стал для него на первом месте, а литературное творчество заняло более скромное место, чем то, которое оно занимало в творчестве Гоголя в Петербургский период» (с. 23). При этом в рамках своей концепции «оцерковления» культуры Зеньковскому важно подчеркнуть, что «в этих словах не нужно видеть какое-то отречение Гоголя от литературной деятельности» (с. 23). Он обращается к <Авторской исповеди> для обоснования своей ключевой гипотезы о крахе эстетической утопии Гоголя после премьеры «Ревизора». Так, Зеньковский утверждает: «Сам Гоголь признает в “Авторской исповеди”, что постановка “Ревизора” имела “потрясающее действие”» (с. 134), но не то, на которое рассчитывал писатель. Между тем в тексте безымянной записки Гоголя нет прямого указания на премьеру «Ревизора», хотя и идет речь об изменении отношения к смеху, которое переживал в эти годы писатель.

В. В. Зеньковский неоднократно обращался в своих статьях к личности и творчеству Гоголя и даже написал особую главу о писателе для своего обширного труда «История русской философии». Гоголь для Зеньковского (1989) – «пророк православной культуры», который не только первым поставил вопрос о возвращении светской культуры в лоно Церкви, но и стал мучеником этой темы: «Нет никого в истории русской духовной жизни, кого бы можно было поставить в этом отношении рядом с Гоголем, который не только теоретически, но и всей своей личностью мучился над темой о соотношении Церкви и культуры» (с. 182). Безусловно, что <Авторскую исповедь> Зеньковский ставит в контекст своих более широких размышлений о возможности соединения христианства со светской культурой, «эстетики с православной антропологией» (Ермишин, 2006, с. 220).

Прот. Георгий Флоровский (2009) посвятил творческому пути и личной судьбе Н. В. Гоголя несколько страниц в разделе «Философское пробуждение» в книге «Пути русского богословия» (1937). Он увидел один из «трагических узлов» судьбы Гоголя в его «душевной отсталости», «душевном архаизме» (с. 331). Откровения Гоголя о своем религиозном пути, изложенные в <Авторской исповеди>, представляются Флоровскому свидетельством принадлежности писателя к «Александровскому веку» и доказательством того, что он шел по пути «пиэтического гуманизма» (с. 334). Другой узел судьбы Гоголя Флоровский видит в соединении «элементов аскетического надрыва» с «настойчивой волей к общественному действию» (с. 338). Воплощением этого соединения стала книга «Выбранные места из переписки с друзьями». <Авторская исповедь>, по мнению Флоровского, приоткрывает изменение внутренних целей писателя: социальное христианство, стремление к общественному благу заслоняют собой собственно художественные задачи: «...свои художественные образы Гоголь сознательно обращает в доказательства» (с. 338) своих религиозных идей. Флоровский также обращает внимание на свидетельство Гоголя в <Авторской исповеди> о том, что он провел несколько лет внутри себя. По мнению богослова, «именно этот внутренний опыт Гоголя и был смутен, в нем и была его главная слабость» (с. 344). Исход для писателя Флоровский видел в «отречении от социальной утопии» и «подлинном аскетическом вхождении внутрь себя» (с. 344).

Оценки, которые Г. В. Флоровский дает религиозным поискам Гоголя и его художественным трудам, с одной стороны, находятся в русле широко распространенных утверждений, что Гоголь-христианин оказался несовместим с Гоголем-художником, с другой стороны, демонстрируют установку самого Флоровского на так называемый неопатристический синтез и отвержение «софиологии» во всех ее видах, как в лице главных представителей В. С. Соловьева, С. Н. Булгакова и о. Павла Флоренского, так и в лице тех, в ком «незаконное» смешение светского и церковного начал не было отрефлектировано и превращено в учение.

С. Л. Франк (1996) в статье на немецком языке “Nicolaj Gogol als religiöser Geist” («Религиозное сознание Гоголя») обращает внимание на две идеи писателя, обозначившие себя в <Авторской исповеди>: это идея общественной пользы художественного творчества и «ощущение неуверенности, неустойчивости жизни европейцев (включая Россию)». Философ пишет о «трагедии большого, Богом призванного художника, который внезапным религиозным обращением принужден к такому душевному конфликту» (с. 306-307), но отмечает верность его социально-исторических оценок: «За всеми политическими и социальными стремлениями, которые выбили мир из старой колеи, Гоголь видит духовные искания, “необъяснимую тоску”» (с. 309).

В. А. Воропаев (2006) обращает особое внимание на эту незамеченную в гоголеведении статью С. Л. Франка, так как в ней «предвосхищены некоторые идеи о характере религиозного мирозерцания Гоголя, высказанные в последствии другими исследователями» (с. 67), в частности стремление к идеалу воцерковления всей русской жизни и осознание трагической невозможности осуществления этого идеала.

К. В. Мочульский (1995) в книге «Духовный путь Гоголя» (1934) ставит под сомнение достоверность сведений, изложенных Гоголем в <Авторской исповеди>, полагая, что «в этом апологетическом произведении события тридцатых годов подогнаны – иногда насильственно – под идейную схему сороковых годов» (с. 19). Автор книги различает в тексте Гоголя свидетельства, которые могут быть подтверждены другими источниками, и места, в которых Гоголь, с его точки зрения, искажает реальные факты своей жизни: первая поездка за границу, творческий перелом 1836 года. Включая отдельные сведения из <Авторской исповеди> в свою версию духовного пути писателя, К. В. Мочульский тем не менее делает вывод, что «Гоголь наспех пишет самооправдание и тут же придумывает довольно неточную и произвольную схему своего писательского пути» (с. 19). По мнению критика, <Авторская исповедь> знаменует «самый трагический момент в жизни Гоголя»,

когда «все воздвигнутое им здание учительства, государственного служения, общественной пользы рушится сразу» (с. 47), когда писатель осознает, что возвращение к художественному творчеству также невозможно, и, наконец, когда «Гоголь вступает в последний круг своего ада – в пустыню *богооставленности*» (с. 47).

Примечательно, что в своем пристальном внимании к <Авторской исповеди> К. В. Мочульский следует творческой мысли своего отца, профессора Новороссийского университета Василия Николаевича Мочульского (1903), автора единственного дореволюционного исследования, целиком посвященного неопубликованному тексту Гоголя. Мочульский-младший вслед за Мочульским-старшим не только фиксирует многочисленные фактические неточности в тексте <Авторской исповеди>, но и пытается интерпретировать их сквозь призму биографического сюжета, признавая одним из немногих центральное место этого текста в творческой биографии писателя.

Заключение

Таким образом, мы можем отметить, что творчество позднего Гоголя вызвало интерес у крупных представителей религиозно-философской и литературно-критической мысли русской эмиграции, принадлежавших к разным школам и направлениям. В отношении произведений писателя 1840-х гг. трудно согласиться с утверждением, что «критическая гоголиана Русского зарубежья как бы застыла на уровне рубежа XIX-XX вв.» (Сугай, 2006, с. 49). Центральная для русской эмиграции тема «оцерковления» культуры, возвращения светских художников и мыслителей под церковный омофор определила отношение к религиозным поискам Н. В. Гоголя. В целом положительно оценивая его духовный путь, опознавая в его исканиях «необъяснимую тоску» своей и его эпохи, религиозные философы отмечали, что возвращение к вере должно приводить к серьезной перенастройке личности и художественного творчества. Если для прот. Василия Зеньковского речь идет о выстраивании иерархии внутренних ценностей, при которой вера становится выше, чем литература, то для более консервативного прот. Георгия Флоровского религиозное обращение непременно должно сопровождаться аскетическим подвигом в святоотеческом духе.

Эстетические открытия Гоголя, поиски нового слова и стиля, осуществлявшиеся в <Авторской исповеди>, в целом оказались менее интересны вниманию эмигрантских исследователей. Исключение составляют работы Б. К. Зайцева и К. В. Мочульского, обративших внимание на одухотворение слова, призванного выразить сложные процессы, происходящие в религиозном самосознании писателя.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении оценок творчества позднего Гоголя и, в частности, <Авторской исповеди>, прозвучавших в различных кругах русской эмиграции, а также в выявлении новых методологических подходов к изучению рецепции наследия русских писателей-классиков. Так, заслуживает внимания мысль И. А. Есаулова (2006), предположившего, что русское богословие, в том числе заявившее о себе в русской эмиграции, «по отношению к произведениям светских авторов... еще не выработало адекватного своему предмету понятийного аппарата» (с. 227). Осмысление вклада русских религиозных философов в решение этой задачи представляется насущным делом недалекого будущего.

Финансирование | Funding

RU Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20-012-00139 «Позднее творчество Гоголя (“Выбранные места из переписки с друзьями”, “О сословиях в государстве” и <Авторская исповедь>): проблемы источниковедения, текстологии и комментирования».

EN The reported study was funded by the RFBR under grant No. 20-012-00139 “Gogol’s later works («Selected Passages from Correspondence with Friends», «On Estates in the State» and <The Author’s Confession>): Issues of source studies, textual studies and commenting”.

Источники | References

1. Воропаев В. А. Из цикла «Русская эмиграция о Гоголе» // Гоголевские чтения: Н. В. Гоголь и Русское зарубежье / под общ. ред. В. П. Викуловой. М.: Университет, 2006.
2. Воропаев В. А. Поздний Гоголь (1842-1852): новые аспекты изучения // Гоголезнавчі студії. 1999. Вип. 4.
3. Воропаев В. А. Русская эмиграция о Гоголе // Литературная учеба. 2003. № 3.
4. Гончаров С. А. Гоголевский текст и духовное око // Гоголь в русской критике: антология / сост. С. Г. Бочаров. М.: Фортуна ЭЛ, 2008.
5. Делекторская И. Б. «Жизнь с Гоголем» как вариант автобиографии (Об одном заглавии у Бориса Зайцева и житнетворчестве Андрея Белого) // Литературный факт. 2018. № 8.
6. Евтихиева А. С. Гоголь в критике Русского зарубежья: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1999.
7. Евтихиева А. С. Гоголь Русского зарубежья. М.: Палея-М, 2001.
8. Ермишин О. Т. Н. В. Гоголь и эстетика В. В. Зеньковского (о принципах религиозной эстетики) // Гоголевские чтения: Н. В. Гоголь и Русское зарубежье / под общ. ред. В. П. Викуловой. М.: Университет, 2006.
9. Есаулов И. А. Богословие и русская словесность: о Георгии Флоровском о Гоголе // Гоголевские чтения: Н. В. Гоголь и Русское зарубежье / под общ. ред. В. П. Викуловой. М.: Университет, 2006.

10. Зайцев Б. К. Собрание сочинений: в 9-ти т. М.: Русская книга, 2000. Т. 9 (доп.). Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии.
11. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2-х т. Париж: YMCA-Press, 1989. Т. 1.
12. Зеньковский В. В. Н. В. Гоголь. Париж: YMCA-Press, 1961.
13. Кривонос В. Ш. Поворот или надрыв? (Поздний Гоголь в исследованиях первой русской эмиграции) // Кривонос В. Ш. Гоголь: проблемы творчества и интерпретации. Самара: Изд-во Самарского государственного педагогического университета, 2009.
14. Мочульский В. Н. «Авторская исповедь» Н. В. Гоголя. Воронеж: Тип. В. И. Исаева, 1903.
15. Мочульский К. В. Духовный путь Гоголя // Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский / сост. и послесл. В. М. Толмачева; примеч. К. А. Александровой. М.: Республика, 1995.
16. Сугай Л. А. Гоголь и культурная жизнь русской эмиграции первой волны // Гоголевские чтения: Н. В. Гоголь и Русское зарубежье / под общ. ред. В. П. Викуловой. М.: Университет, 2006.
17. Трудный путь: зарубежная Россия и Гоголь: из наследия русской эмиграции / сост., авт. вступит. ст. и коммент. М. Д. Филин. М.: Русский Мир, 2002.
18. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009.
19. Франк С. Л. Религиозное сознание Гоголя // Франк Л. С. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996.
20. Черняев В. Ю. Зарубежная Россия и ее церковное и историческое значение // Вестник Свято-Филаретовского института. 2020. № 34. № 35.

Информация об авторах | Author information

RU**Балакшина Юлия Валентиновна**¹, д. филол. н., доц.¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург**EN****Balakshina Julia Valentinovna**¹, Dr¹ Herzen University, St. Petersburg¹ jbalaksh9@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 14.11.2022; опубликовано (published): 30.12.2022.

Ключевые слова (keywords): Н. В. Гоголь; проза 1840-х годов; <Авторская исповедь> Русское зарубежье; критическая рецепция; N. V. Gogol; prose of the 1840s; <The Author's Confession> Russian émigré community; critical reception.